

Малыгина Елена Валерьевна, Иванова Анна Михайловна

Московский городской педагогический университет

г. Москва, Российская Федерация

4cat@mail.ru, conraoi@yandex.ru

Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке

Аннотация

В статье представлен социолингвистический анализ речевых проявлений политкорректности в англоязычном публичном дискурсе в свете его глубокой укоренённости в демократической идеологии. Обзор работ англоязычных и отечественных авторов позволяет отметить ключевые культурные предпосылки феномена языковой политкорректности, а также осветить текущее состояние проблемы. Целью исследования является на ряде примеров из современной академической литературы по теме проиллюстрировать проникновение норм политкорректного речевого поведения во все сферы публичной коммуникации, при этом особое внимание уделяется вопросу о соотношении явлений эвфемии и политкорректности. Опираясь на эмпирические методы исследования, включая целенаправленный сбор теоретической информации по изучаемой проблематике и практического языкового материала, авторы приходят к выводу о неправомерности «перечитывания» канонических или научных текстов через призму норм политкорректности.

Ключевые слова: политкорректность, идеологизация языка, эвфемизмы, идеология вежливости, инклюзивный язык.

© Малыгина Е. В., Иванова А. М. 2021

Для цитирования: Малыгина Е. В., Иванова А. М. Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 140–148. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148.

1. Введение [Introduction]

Возникновение в английском языке обширного пласта политкорректной лексики обусловлено целым рядом социокультурных и идеологических факторов, которые определяют ключевые ценности современной англоязычной картины мира. Важное место в эвфемистической вербализации концептов, связанных с понятиями пола, расы, нации, социального статуса, возраста занимают процессы нивелировки как позитивно-оценочных, так и негативно-оценочных коннотативных компонентов. Так, например, в настоящий момент не только лексемы *poor*, *ugly* считаются сомнительными с точки зрения политкорректности, но и их антонимы *rich*, *beautiful*.

Активное распространение в общественных коммуникативных практиках политкорректного словаря является речевым проявлением идеологии политкорректности, под которой вслед за Л. Г. Иониным мы понимаем «идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечения идейного и ценностного консенсуса» [Ионин, 2012, с. 53]. В свете этого определения очевидно, что формирование политкорректного языка не сводимо к возникновению отдельных эвфемизмов, замещающих в поле публичной коммуникации лексические единицы, неуместные по этическим или этикетным причинам, а связано со сложными процессами идеологизации языка. Говоря о речевом феномене политкорректности, сле-

дует понимать, что в данном случае мы имеем дело именно с идеологическим языком, сложившимся в определённых социально-исторических, политических и правовых условиях западной демократии. Как отмечает В. Л. Махлин, «политкорректность, какими бы уродливыми карикатурами она ни сопровождалась в условиях завершённой демократии, и какую бы лицемерной она ни казалась иногда нам, – это естественное выражение глубокого инстинкта самосохранения и «здорового смысла именно западного образа жизни (в противоположность нашему инстинкту безоглядности и глубокому тоже инстинкту анархизма) [Махлин, 2009, с. 314]». Действительно, с точки зрения российской ментальности явление языковой политкорректности воспринимается зачастую как иноязычная курьёзность.

О проникновении требования политкорректности во все публичные дискурсы наглядно свидетельствует, например, неожиданные на первый взгляд выражений *politically correct food* (политически корректной считается еда, не содержащая вредных для здоровья веществ и произведённая без ущерба для окружающей среды), *politically correct fashion* (политически корректная мода не должна открыто эксплуатировать женскую сексуальность и насаждать образ болезненно худого тела, как физического идеала), *politically correct medicine* (политически корректная медицина, ориентирована на пересмотр отношения к большому числу пациентов, например, с ментальной инвалидностью (люди с диагнозом шизофрения, болезнь Дауна, аутизм и т. д.) или ожирением, на признание относительной достоверности результатов испытания новых препаратов, протестированных в основном на мужчинах), *politically correct shopping* (предполагает, что индивид воздерживается от покупки товаров, изготовленных из натурального меха или в странах третьего мира с использованием детского труда), *politically correct parenting* (политкорректные родители признают уникальность и независимость своего ребёнка как личности и не препятствуют его попыткам самоопределения, в том числе гендерного), *politically correct bed time story telling* (цензура в отношении детских сказок, направленная, в частности, на минимизацию употребления в них гендерно-специфичных лексем типа *девочка / мальчик*).

В ряде случаев даже самые «невинные» с точки зрения слова могут попадать под цензуру политкорректности из-за своего созвучия с неполиткорректными словами. К. Барридж отмечает, что многие американцы и англичане стараются избегать таких слов как *niggardly, renege*. Несмотря на то, что с табуированным *nigger* эти лексемы не связаны ни семантически, ни этимологически, многие носители языка всё же их не употребляют из-за чисто случайного фонетического созвучия [Burridge, 2014, p. 55]. В мае 2002 года газета *Telegraph* сообщила о том, что британский министр полиции Джон Денем подвергся жёсткой критике за использование в своей речи слова *nitty-gritty*, которое, по мнению руководства, обладает расистским подтекстом, так как якобы отсылает к эпохе работорговли [Steele, 2002]. В современном англоязычном пространстве большое количество слов из семантических полей «гендер», «религия», «национальность», «болезнь» вошло в разряд табуированных.

2. Культурные предпосылки феномена языковой политкорректности [Cultural background of political correctness]

Формирование особого языка политкорректности непосредственно связано с динамикой таких категорий как языковая нормы, табуированность, речевые конвенции. Весьма показательны в этом контексте публичные способы говорения о СПИДе. Если посмотреть, как трансформировался англоязычный популярно-медицинский дискурс о СПИДе, то очевидны две тенденции. Первая связана с детабуизацией физиологизмов. Медийные эвфемизмы, обозначающие физиологические процессы и органы, активно вытесняются прямыми наименованиями: *intimate contact* уступает место *anal*

intercourse, body fluids часто заменяется на *semen, vaginal discharge* [Biddle, 2014, p. 142]. В первую очередь эта детабуизация физиологизмов обусловлена необходимостью максимально точно доносить до читателей информацию о путях заражения. Вторая тенденция, напротив, связана с возникновением новых политкорректных наименований больных. Традиционные *AIDS patients, AIDS sufferers, AIDS victims*, семантика которых включает компонент «пассивность» сейчас всё чаще заменяются более жизнеутверждающими *people with AIDS (PWAs)* и ещё более политкорректным *people living with AIDS (PLWAs)*. Очевидна динамика на актуализацию в дискурсе о СПИДе особого образа пациента, который из пассивного претерпевающего объекта посредством языка трансформируется в активного субъекта, который не страдает, а проживает свою жизнь наравне с другими. Обратим внимание, что в данном случае происходит не только замена существительных с негативным семантическим компонентом (*patient, sufferer, victim*) на обобщающее *people*, в результате чего снимается дискриминирующая оппозиция здоровый-больной, но и сама болезнь начинает позиционироваться не как часть сущности (пусть и биологической) больного, а лишь как атрибут его образа жизни. В наименовании *people living with AIDS* болезнь посредством языка как бы выносится вовне, становясь лишь сопутствующим фактором обычной жизни.

Очевидно, что понятие политической корректности пронизывает все социальные стороны жизни британцев и американцев, порождая особый политкорректный язык. Через язык идеология активно внедряется в повседневную жизнь. На наш взгляд, даже большое число примеров, когда установка на политическую корректность становится объектом комической интерпретации (показателен здесь комедийный поджанр «politically incorrect comedy», в частности, такие популярные шоу и комедийные ситкомы как *Politically Incorrect with Bill Maher, South Park, Shameless* и др.), свидетельствует о её социально-идеологической значимости.

Однако адекватное понимание этой современной социоязыковой установки предполагает обращение к кругу исторических предпосылок, вне контекста которых трудно понять причины активизации политкорректного лексикона во всех сферах англоязычной публичной коммуникации в XXI столетии. Так, например, анализ связи политкорректности с концептом *politeness* подразумевает обращение к исторической перспективе. О связи норм политкорректного речевого поведения с устоявшимися представлениями о вежливости пишет П. Клотц [Klotz, 1999, p. 156]. Концепция общества, ориентированного на нормы вежливого общения, формируется в Англии в XVII–XVIII веках и во многом обусловлена, с одной стороны, идеологией Просвещения, с другой – формирующимся классом буржуазии.

Характерная для просвещенческой парадигмы идея воспитания, основанного на примате разума над необузданными чувствами, подразумевала новый тип вежливого поведения в отношении всякого человека. Таким образом, социокультурно обусловленная мысль о том, что вежливое отношение должно практиковаться в отношении любого индивида, вне зависимости от его происхождения, заслуг или материального достатка, появляется в европейском культурном сознании задолго до наших дней и восходит к просвещенческому постулату о естественном равенстве всех людей. В XVIII веке развитие промышленности и торговли, повлекшие за собой определённую социальную мобильность, повлекло усложнение социальных интеракций. Вежливость как прагматингвистическая и этическая установка облегчала общение с незнакомцами и аутсайдерами, которое было неизбежно при росте торговых контактов. Имела она значимость и в сфере политической коммуникации, так как, с одной стороны, позволяла контролировать жаркое противостояние между партиями тори и вигов, не давая ему перерасти в гражданскую войну, с другой стороны, обеспечивала продуктивность увеличившихся интернациональных политических контактов [Fitzpatrick, 2004]. Иными

словами, усложнившаяся к XIX веку система социально-культурных и политических интеракций требовала внедрения новых коммуникативных механизмов регуляции, которые бы обеспечивали относительную стабильность и безопасность в условиях кардинальных экономических и социальных изменений.

Как отмечают П. Браун и С. К. Левинсон, вежливость позволяет осуществить речевое взаимодействие между агрессивно настроенными коммуникантами [Brown, Levinson, 1981]. Подобную же функцию своеобразной стабилизации на вербальном уровне выполняет и языковая политкорректность, ориентированная на сглаживание острых противоречий и различий в мультикультурном пространстве современности и обеспечивающая возможность кооперативного взаимодействия. Очевидно, что чем более гетерогенно, поликонфессионально и мультиэтнично общество, тем заметнее будут проявляться потребности в языковых механизмах, сглаживающих эту многокомпонентность и обеспечивающих возможность кооперации.

Будучи тесно связанной с прагмалингвистической категорией вежливости, языковая политкорректность всё же не сводима к ней. С. Сорлин отмечает, что если возникновение просвещенческой «идеологии вежливости» (*ideology of politeness*) исторически связано с формированием нового класса, то языковая политкорректность не имеет непосредственного отношения к какому-либо конкретному классу общества и связана не с классовой стратификацией, а с концепцией идентичности [Sorlin, 2013, p. 51]. При этом она признаёт, что в определённой мере борьба буржуазии за признание её влиятельным классом может быть сопоставима с борьбой различных меньшинств за признание их идентичности.

3. Политкорректная лексика и установка на эвфемизацию [Ideological language and speech euphemisation]

Говоря о специфике политкорректной лексики как идеологически маркированной, так же следует рассмотреть вопрос о её соотношении с эвфемизмами. Здесь следует отметить, что в целом установка на эвфемизацию – очень характерное именно для английского языка явление, так как в нём на вербальном уровне проявляется типичная для англосаксонской ментальности сдержанность, коммуникативная дистантность и завуалированность коммуникативных интенций. С данной установкой напрямую связано, в частности, требование к эвфемизированному, политкорректному (*inclusive*) языку в международных журналах, выходящих на английском языке. Так, например, во всех журналах, выходящих в издательстве Elsevier (Великобритания), включая лингвистическое издание *Ampersand*, в требованиях к публикации указано следующее:

Authors should ensure that writing is free from bias, stereotypes, slang, reference to dominant culture and/or cultural assumptions. We advise to seek gender neutrality by using plural nouns («clinicians, patients/clients») as default/wherever possible to avoid using <...> he/she – 'Авторы должны убедиться, что в материале не содержится какой-либо предвзятости, стереотипов, разговорных словоупотреблений, ссылок на доминирующую культуру или культурно обусловленных предположений. Текст следует сделать максимально гендерно нейтральным за счёт использования существительных во множественном числе («врачи», «пациенты», «клиенты»), а также, везде где возможно, убрать <...> местоимения он / она'.

Само формирование национальной идентичности, «английскости» в XIX столетии протекает в период, когда буржуазия с её особой озабоченностью соблюдением приличий начинает выступать в роли социокультурного основания английского общества. Как отмечает Н. В. Морженкова, английская национальная ментальность во многом складывалась в рамках Викторианской культуры, язык которой «был глубоко

эвфемистичен по своей сути» [Морженкова, 2016, с. 174]. Многие английские выражения, воспринимаемые сегодня как нейтральные, появились в английском языке Викторианского периода именно как эвфемизмы. Так, например, привычное разделение мяса из разных частей тушки животного на *white meat* и *dark meat* образовалось в результате чрезмерной викторианской стыдливости, не позволявшей произносить вслух наименования частей тела типа *leg* и *breast*. Этот пример из прошлого перекликается с предпочтением некоторых современных американцев, тщательно избегающих любого намёка на тему расовых различий, использовать нейтральные фразы *coffee with/without milk* вместо *white/black coffee*.

В этом контексте возникает вопрос является ли активизация политкорректного словаря в английском языке своеобразным модернизированным продолжением этой имеющей свою историю установки на эвфемизацию, или же, напротив, будет правильнее отграничить политкорректные лексемы от эвфемизмов как чисто идеологическое явление. Данная тема представляется дискуссионной. С одной стороны, словари эвфемизмов [Neaman, Silver, 1993; Ayto, 2000] включают политкорректные выражения в корпус эвфемистической лексики. С другой стороны, в ряде трудов по специфике политкорректного языка выдвигается мысль о том, что эта часть вокабуляра не может включаться в группу эвфемизмов по причине принципиально иной прагматической установки. Если цель использования эвфемизмов заключается в стремлении к иносказательности и завуалированности, то политкорректная лексика, напротив, нацелена на максимально нейтральное, «незамутнённое» оценочностью выражение. Её употребление связано не со стремлением сокрыть и умолчать, а с установкой на непредвзятую объективность [Allan, Burrige, 2006, p. 96]. К. Аллан и К. Барридж в качестве примера приводят слово *chairperson*, утверждая, что в его семантике нет никаких эвфемистических компонентов – здесь мы наблюдаем лишь расширение смыслового объёма, обусловленного внеязыковыми реалиями (расширение социальных полномочий женщин, которые теперь могут выступать в функции председателя) [Allan, Burrige, 2006, p. 96].

В отличие от эвфемизмов, политкорректные слова часто отображают социальные изменения, связанные с обретением социальной идентичности представителями различных ранее маргинализированных групп. Новый социальный статус влечёт за собой проблему наименования; многие политкорректные лексемы представляют собой наименования, направленные на упразднение дискриминации по какому-либо признаку. Так, например, слова *married* и *de facto spouse* (гражданский супруг) означают легализованные отношения, тогда как лексема *partner* шире по значению и позволяет снять дискриминирующее разграничение отношений на более и менее валидные с точки зрения закона. Лексема *partner* нейтральна и с точки зрения гендера и сексуальных предпочтений.

К. Аллан и К. Барридж полагают, что нежелание многих исследователей видеть в политкорректном языке эвфемистические интенции связано с осторожным и неоднозначным отношением современных западных лингвистов к самому термину «эвфемизм», который зачастую ассоциируется с лицемерной демагогией и «одурманяющим» сокрытием истинного смысла, в результате которых *dying* трансформируется в *terminal living*, *killing* в *unlawful deprivation of life*, *potholes* в *pavement deficiencies* [Allan, Burrige, 2006, p. 98]. Таким образом, за эвфемистической речью часто стоит желание говорящего завуалировать истину, что ставит адресата речи в «слабую» и неравную позицию патронируемого, несовместимую с самой природой недискриминирующего языка политкорректности.

В этом контексте интересным представляется мнение К. Аллан и К. Барридж, полагающих, что само стремление противопоставить политкорректную лексику эвфемизмам, или, напротив, рассматривать их как полные синонимы, ведёт к упрощенному пониманию самого речевого явления политкорректности, которое неизбежно в силу

своей связи политико-идеологической природы всегда будет одновременно и эвфемистичным и дисфемистичным [Allan, BurrIDGE, 2006, p. 99]. Так, например, одна из самых первых попыток политкорректно назвать неразвитые страны в постколониальном западном дискурсе связана с появлением эвфемистического выражения *backward countries*. Однако, эвфемистический потенциал этого выражения был столь слаб и неочевиден, что уже в 1950–60-ые годы, когда происходит углубление понимания постколониальной проблематики, оно начинает восприниматься уже скорее, как дисфемизм и постепенно заменяется на *underdeveloped, less developed, lesser developed, developing, emerging, emergent countries*. Очевидно, что в результате внедрения в речевую практику нового политкорректного наименования, предыдущие единицы на фоне этой возрастающей политкорректности начинают восприниматься как содержащие определённый момент дисфемичности.

4. Библия, классики и политкорректный язык [The Bible, classical authors and politically correct language]

В завершении разговора о политкорректности как о ключевой тенденции языковой политики на Западе можно затронуть и ещё один значимый вопрос, связанный с попытками политкорректного прочтения значимых «неполиткорректных» текстов западной культуры. Особенно показательна идея переписать Библию с учётом норм политкорректности и гендерной инклюзивности – в 2005 году издательством Biblica была выпущена новая версия протестантской Библии (The New International Version), вызвавшая волну споров и жарких дискуссий о правомерности подобных адаптаций. Например, с целью сгладить гендерное неравенство и придать тексту гендерную нейтральность в современных вариантах Библии фраза *sons of God* заменена на *children of God, brethren* – на *brothers and sisters, forefathers* – на *ancestors, virgin* – на *young woman, thy brother's eye* – на *your friend's eye* и т.д. Текст The New International Version вызвал не только бурное публичное обсуждение, но и множественные попытки пародирования политкорректной практики переписывания «патриархальных» текстов. Иллюстративна в этой связи «Политкорректная Библия» Р. Прайса, пародирующая инклюзивный язык выше обозначенного издания [Price, 2013]. Доведя идею языковой инклюзивности до пародийного абсурдного предела, Р. Прайс создаёт текст, говорящий с читателем на языке политкорректных клише – например, библейский рассказ о сотворении человека он пародийно «выхолащивает» через перечисление, что созданные Богом первые двое разнополых людей вмещали себя все существующие под небом цвета кожи, были гомосексуальными и гетеросексуальными. Тем не менее, несмотря на критику, в текстах современных англо-американских версий Библии всё большее число лексических и фразеологических единиц заменяется политкорректными вариантами [Михайлова, 2019; Хухуни, Осипова 2021].

В контексте разговора о влиянии феномена политкорректности на рецепцию современного западного читателя, следует отметить и дискуссию, развернувшуюся вокруг вопроса о том, как следует читать и интерпретировать канонические тексты художественной литературы прошлых литературных эпох, большинство из которых не отвечают современным требованиям политкорректности. В «чёрный» список попали произведения, например, таких авторов, как Р. Киплинг, М. Твен, Дж. Конрад. Показательна в этой связи статья Ч. Ачеб с говорящим названием «Образ Африки: расизм в «Сердце тьмы» Дж. Конрада» [Achebe, 2016]. Автор статьи открыто заявляет, что не считает возможным причислять этот роман, в котором чернокожие именуется *niggers*, к великим произведениям литературы, так как в нём Африка и её обитатели изображаются через призму девальвации и дегуманизации. Он обвиняет классика британской литературы Дж. Конрада в «вульгарных предрассудках» и в попытках подвергнуть сомнению саму человеческую сущность чернокожего населения. Среди литературоведов и преподавателей литературы

подобный редуционистский подход к интерпретации литературы колониального периода часто критикуется за его неисторичность и однобокость, в результате которых вне поля зрения читателя остаётся богатое содержание и художественная специфика текста. Однако показательна сама необходимость подобного оправдания великих классиков, бывших людьми своих временных эпох со всеми их противоречивостями.

5. Выводы [Conclusion]

В свете вышесказанного очевидно, что феномен речевой политкорректности обусловлен развитием сложной системы идеологических ценностей демократического социума, краеугольными основаниями которого являются такие понятия, как равноправие и уважение. Сторонники политической корректности утверждают, что политкорректный язык является основным инструментом предотвращения социальной дискриминации в отношении обездоленных групп лиц, пусть даже за счёт введения цензуры, игнорирования объективной истины и научных фактов [Dzenis, Faria 2020]. В рамках публичной коммуникации установка на политкорректный язык служит снижению конфликтности и гармонизации коммуникативного взаимодействия. Однако попытки перенести нормы речевой политкорректности на тексты, созданные в иные исторические эпохи, а также научную литературу, осложняет (или делает невозможной) коммуникацию между текстом и читателем.

Список литературы

- Ионин, 2012 – Ионин Л. Г. Политкорректность: дивный новый мир М. : Ад Маргинем, 2012. 110 с.
- Махлин, 2009 – Махлин В. Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М. : Знак, 2009. 632 с.
- Михайлова, 2019 – Михайлова Е. М. Политкорректность в англоязычных библейских и коранических текстах // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы науч.-практич. конф. Севастополь, 20–21 сентября 2019 г. / под ред. Е. А. Барминой. Севастополь : СГУ, 2019. С. 41–45.
- Морженкова, 2016 – Морженкова Н. В., Черепашук П. Д. Эвфемизация образов смерти в викторианском дискурсе // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 174–180.
- Хухуни, Осипова, 2021 – Хухуни Г. Т., Осипова А. А. Гендерная политкорректность в переводах Библии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. Вып. 3 : Лингвокогнитивные модусы в парадигме общегуманитарного знания. М. : Университетская книга, 2021. С. 33–36.
- Achebe, 2016 – Achebe Ch. An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of darkness // The Massachusetts Review. 2016. № 57 (1). P. 14–27.
- Allan, Burridge, 2006 – Allan K., Burridge K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 314 p.
- Ayto, 2000 – Ayto J. A dictionary of euphemisms. London : Bloomsbury Press, 2000. 332 p.
- Biddle, 2014 – Biddle N., Conte L., Diamond E. AIDS in the media: Entertainment or infotainment // AIDS: Effective health communication for the 90s. London ; New York : Routledge, 2014. P. 142–150.
- Brown, Levinson 1987 – Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Burridge, 2014 – Burridge K. Weeds in the garden of words: Further observations on the tangled history of the English language. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 208 p.
- Dzenis, Faria, 2020 – Dzenis S., Faria F. N. Political Correctness: The Twofold Protection of Liberalism // Philosophia. 2020. N 48. P. 95–114.
- Fitzpatrick, 2004 – Fitzpatrick M. The enlightenment world. London ; New York : Routledge, 2004. 714 p.

- Klotz, 1999 – Klotz P. Politeness and political correctness: Ideological implications // *Pragmatics*. 1999. № 9:1. P. 155–161.
- Neaman, Silver, 1991 – Neaman J. S., Silver C. G. *Kind words: A thesaurus of euphemisms*. New York : Avon Books, 1991. 409 p.
- Price, 2013 – Price R. *The politically correct Bible*. eBookIt.com, 2013. 194 p.
- Sorlin, 2013 – Sorlin S. The power of impoliteness: A historical perspective // *Aspects of linguistic impoliteness*. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 46–59.
- Steele, 2002 – Steele J. Nitty gritty is not PC minister. URL : <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1394248/Nitty-gritty-is-not-PC-minister.html>, (дата обращения : 14.06.2020).

UDC 81.22

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148

Elena V. Malygina, Anna M. Ivanova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
 4cat@mail.ru, conraoi@yandex.ru

Sociolinguistic aspects of political correctness in English

Abstract

The paper examines the issue of political correct (PC) language as deeply rooted in a set of values and beliefs of the Anglo-American democratic ideology. The review of foreign and Russian-language literature enables to specify key cultural prerequisites of the PC phenomenon and shed light on the current state of the problem. We aimed to use a number of examples from academic literature to describe the factors contributing to the popularity of politically correct vocabulary in all spheres of public communication with the focus on different approaches to the euphemistic nature of PC expressions. Empirical research methods were used including targeted selection of theoretical information on the studied issue and practical language material to study the controversial issue of interpretation and rereading of canonical texts through the lens of political correctness. The conclusion was made that classical and academic literature should not be subjected to the current PC rhetoric and ideology.

Keywords: political correctness, ideological language, euphemisms, ideology of politeness, inclusive language.

© Malygina E. V., Ivanova A. M. 2021

For citation: Malygina, E. V., Ivanova, A. M. Sotsiolingvisticheskie parametry formirovaniya politicheskoy korrektnosti v angliyskom yazyke [Sociolinguistic aspects of political correctness in English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 140–148. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148.

References

- Ionin, L. G. (2012). *Politkorrektnost': divnyy novyy mir* [Political correctness: The brave new world]. Moscow : Ad Marginem Press.
- Makhlin, V. L. (2009). *Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoj epistemologii* [Second conscience: Steps towards humanitarian epistemology]. Moscow : Znak Press.
- Mikhailova, E. M. (2019). Politkorrektnost v angloyazychnykh bibleyskikh i koranicheskikh tekstakh [Political correctness in English-language biblical and quranic texts]. In E. A. Barmina (ed.), *Gumanitarnyye chteniya "Sevastopolskaya gavan"* [Humanitarian readings "Sevastopol Harbor"]: Conf. Proc. Sevastopol, September 20–21, 2019 (pp. 41–45). Sevastopol : Sevastopol State University Press.

- Morzhenkova, N. V., Cherepashchuk, P. D. (2016). Evfemizaciya obrazov smerti v viktorskom diskurse [Euphemization of death in Victorian discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2, 174–180.
- Khukhuni, G. T., Osipova A. A. (2021). Gendernaya politkorrektnost v perevodakh Biblii [Gender Political Correctness in Bible Translations]. *Yazyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]: Collection of scientific papers (Vol. III : Linguo-cognitive codes in the paradigm of human sciences, pp. 33–36). Moscow : Univesitetskaya Kniga Press.
- Achebe, Ch. (2016). An image of Africa: Racism in Conrad's Heart of darkness. *The Massachusetts Review*, 57 (1), 14–27.
- Allan, K., Burrige, K. (2006). *Forbidden words: Taboo and the censoring of language*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Ayto, J. (2000). *A dictionary of euphemisms*. London : Bloomsbury Press.
- Biddle, N., Conte, L., Diamond, E. (2014). *AIDS in the media: Entertainment or infotainment. AIDS: Effective health communication for the 90s* (pp. 142–150). London ; New York : Routledge Press.
- Brown, P., Levinson, S. C. (1987). *Some universals in language usage*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Burridge, K. (2014). *Weeds in the garden of words: Further observations on the tangled history of the English language*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Dzenis, S., Faria, F. N. (2020). Political Correctness: The Twofold Protection of Liberalism. *Philosophia*, 48, 95–114.
- Fitzpatrick, M. (2004). *The enlightenment world*. London ; New York : Routledge Press.
- Klotz, P. (1999). Politeness and political correctness: Ideological implications. *Pragmatics*, 9 (1), 155–161.
- Neaman, J. S., Silver, C. G. (1991). *Kind words: A thesaurus of euphemisms*. New York : Avon Books.
- Price, R. (2013). *The Politically Correct Bible*. eBookIt.com.
- Sorlin, S. (2013). The power of impoliteness: A historical perspective. *Aspects of linguistic impoliteness* [pp. 46–59]. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing.
- Steele, J. (2002). *Nitty gritty is not PC minister*. Retrieved June 14, 2020 from <<http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1394248/Nitty-gritty-is-not-PC-minister.html>>.